

Крыловская Изабелла Ильинична

ХРОНИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАРБИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ (1925-1929 ГГ.)

В статье отражены результаты исследования деятельности профсоюза работников искусств Харбина. Впервые вводимые в научный оборот сведения изложены в виде хроник на основе данных архивных документов. События с ноября 1925 г. по 1929 г. получают комментарий и оценку. Автор приходит к выводу, что деятельность харбинского профсоюза работников искусств, помимо выполнения своих основных функций, во многом способствовала укреплению позиций отечественной классики и исполнительской школы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 72-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1.
2. ГАРО. Ф. 301. Оп. 22.
3. Козлов А. И. Житница Европы. Конец XIX – начало XX века // *Международная жизнь*. 1992. № 5. С. 132-139.
4. Коршиков Н. Н. Как жили на Дону (XVIII – I половина XIX в.) // *Дон*. 1997. № 5. С. 223-252.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 89-ти т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета внутренних дел, 1905. Т. XII. Область Войска Донского. 239 с.
6. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1961. 377 с.
7. Среднепромышленная революция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donbiz.ru/archive/articles/1601.html> (дата обращения: 27.07.2016).
8. Статистическое описание Области Войска Донского / сост. чл.-секр. Обл. Войска Донского Стат. ком. коллеж. советник Семен Номикосов. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. 782 с.
9. Тетеревицкий Я. Л. Статистические заметки о поселениях Донецкого округа // *Труды Области войска Донского Статистического комитета*. Новочеркасск: Издание Областного войска Донского Статистического комитета, 1874. Вып. 2. С. 96-112.
10. Тикиджян Р. Г. Казачество и неказачье население Дона: становление, этносоциальный состав и проблемы взаимоотношений [Электронный ресурс]. URL: <http://annales.info/rus/kazak/nekaz.htm???history=0&pfid=1&sample=2&ref=1> (дата обращения: 27.07.2016).
11. Тоценко Л. Т. Крестьянский отход и его роль в освоении природных ресурсов южной России в эпоху позднего феодализма // *Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: материалы XVII сессии симпозиума по изучению аграрной истории*. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1980. С. 94-101.

**PEASANT HANDICRAFT AND NON-AGRICULTURAL SEASONAL WORK
IN THE DON HOST OBLAST IN THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Kolomeitseva Mariya Andreevna, Ph. D. in History
Moscow Technological Institute
marijaandreeva@mail.ru

The article is devoted to studying peasant handicraft and seasonal work in the Don region in the XIX – at the beginning of the XX century. The author explores the motives and peculiarities of peasant handicraft and home industry, identifies differences between peasant and Cossack handicraft and trade. The paper examines the basic trends of seasonal work, the peasants' temporary non-agricultural employment and shows that seasonal work and handicraft remained additional sources of income and were motivated by poor living standards of the peasants.

Key words and phrases: The Don; Cossacks; peasantry; handicraft; trade; seasonal work; hired labour.

УДК 7:792.5

Искусствоведение

В статье отражены результаты исследования деятельности профсоюза работников искусств Харбина. Впервые вводимые в научный оборот сведения изложены в виде хроник на основе данных архивных документов. События с ноября 1925 г. по 1929 г. получают комментарий и оценку. Автор приходит к выводу, что деятельность харбинского профсоюза работников искусств, помимо выполнения своих основных функций, во многом способствовала укреплению позиций отечественной классики и исполнительской школы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова и фразы: русская диаспора Харбина; театры Харбина; харбинская опера; харбинская оперетта; культурное обслуживание КВЖД; профсоюз работников искусств (Рабис); харбинский Губрабис.

Крыловская Изабелла Ильинична, к. искусствоведения, доцент
Дальневосточный федеральный университет
belcanto@bk.ru

**ХРОНИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАРБИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ (1925-1929 ГГ.)**

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и образования Российской Федерации № 1466 «Процессы межкультурной коммуникации в Азиатско-Тихоокеанском регионе: междисциплинарный подход».

В 20-х гг. прошлого столетия для советского Дальнего Востока достаточно остро стояла проблема безработицы в артистической среде по всем направлениям искусства. Решение её было первоочередной задачей профсоюзов и бирж труда, а также созданных при них посреднических бюро по найму работников искусств. При регулировании рынка труда в сфере художественной культуры в Дальневосточном крае (ДВК)

учитывались в том числе и потребности Харбина, где была большая русская диаспора, включающая как эмигрантов, так и принявших советское гражданство специалистов, обслуживающих Китайскую восточную железную дорогу (КВЖД). Здесь функционировало несколько русских театральных предприятий, была эстрада и цирк, кинематограф. В Харбине (кроме советского консульства) было своё губернское отделение профессионального союза работников искусств (Губрабис или Рабис), велся учёт творческих кадров, собирались членские взносы, оказывалась помощь безработным артистам. Несмотря на активную деятельность этой советской общественной организации на территории Китая, сведений о ней найти даже в специальной литературе практически невозможно. В силу известных исторических событий в Китае 20-х гг. прошлого столетия союз функционировал в полулегальных условиях, переписка велась секретно через дипломатические каналы. Получить об этом какие-либо сведения сегодня можно только из архивных источников – не столь многочисленных, но достаточных для того, чтобы выстроить последовательную картину деятельности правления союза и его рабочего аппарата. Упомянутый анклав документов сегодня сосредоточен в основном в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ). В настоящей работе впервые проводится их обзор и введение в научный оборот. Используя историко-диахронный метод, удалось восстановить события, касающиеся деятельности харбинского отделения союза Рабис в их хронологической последовательности, начиная с ноября 1925 г. и по 1929 г. включительно. При этом внимание было сосредоточено не только на изложении фактов, но и на их комментарии, интерпретации и оценке.

В Харбин артистические рабочие кадры завозили из СССР, проведя предварительную переписку с посредническими бюро. В циркулярном письме подотдела рынка труда Народного комиссариата труда (НКТ) СССР ДВК к посредническим бюро по найму работников искусств при дальневосточных биржах труда, посвящённом вопросам плановости в регулировании рынка труда, настоятельно было рекомендовано *учитывать харбинский рынок* [5, д. 13, л. 13]. В Харбине были замечательные труппы оперы и оперетты, проводившие сезоны в клубе Железнодорожного собрания (Желсоб) [6, д. 2, л. 3]. Здесь работали также драматические труппы, нередко были гастрольные отечественных и зарубежных знаменитостей, выступавших в том числе и с местным симфоническим оркестром. Л. А. Быстрянцева в своём докладе «Исторический очерк строительства и развития КВЖД и Харбина» отмечает, что роскоши здания Железнодорожного собрания (построенного в начале 1900-х гг.) мог позавидовать любой столичный театр. Здесь была отменная акустика, буквально залитые морем света залы и фойе отличали великолепные внутренние интерьеры: лепные потолки, нарядные и красивые помещения. «Потом появились Коммерческое собрание, другие театры, в том числе и летние, много кинематографов, балетные, музыкальные и театральные студии» [2].

Председатель харбинского отделения союза Рабис Максим Захарович Грицай вёл активную переписку с Краевым отделом союза Рабис (Далькрайрабис) в Хабаровске и его посредническими бюро и отделениями во Владивостоке, Чите и Благовещенске [5; 6]. Самый ранний обнаруженный в материалах РГИА ДВ документ, свидетельствующий о деятельности харбинского отделения, это телеграмма от 25 ноября 1925 г., в которой Краевой комитет профсоюза Рабис срочно запрашивает сводку из Харбина [6, д. 3, л. 45]. Следующий 1926 г. отмечен большим количеством документов, зафиксировавших многообразные аспекты деятельности харбинского союза Рабис и подведомственных ему художественных коллективов.

Среди переписки начала 1926 г. заслуживает внимания письмо председателя правления М. З. Грицай к завкультотделом Дорпрофсоюз (вероятно, Дорожный профессиональный союз железнодорожников) товарищу Мошкину от 17 января 1926 г., вх. № 6. Из него становится известным, что вопросами регулирования и *субсидирования* деятельности театральных коллективов в помещении клуба Желсоб занимался в том числе Комитет Старшин Желсоба и заведующий его театральным отделом тов. И. О. Яцунский. Последний сообщил, что оперный коллектив будет работать в Желсобе только до 1-го февраля 1926 г., т.к. Желсоб больше не имеет возможности субсидировать оперу [Там же, д. 2, л. 3]. Финансовая поддержка была необходима коллективу не только для выполнения обязательств по заработной плате, но и для оплаты аренды помещения клуба. Это была повсеместная практика для передвижных трупп и в Советской России, где арендуемое для гастролей помещение оплачивал либо местный исполком, либо ведомство, с которым отделение союза Рабис или Краевое театральное объединение (Крайтео)¹ заключали соответствующее соглашение. М. З. Грицай, пытаясь найти возможность продлить работу оперной труппы в клубе Желсоба, от имени правления союза Рабис просит тов. Мошкина ходатайствовать перед *Управляющим и Правлением КВЖД* о продлении *субсидии* опере до 1-го марта 1926 г. Подкрепляя свою просьбу, он указывает следующее: «Для всех ясно, что опера имеет большое культурное достижение для профсоюзных масс, посещающих оперу, а последнее время оперные спектакли проводятся в рабочих клубах» [Там же].

В январе 1926 г. состоялось несколько расширенных заседаний правления харбинского союза Рабис. Первое из них проводилось 4 января. В протоколе № 1 от 4.01.1926 г. указано, что на заседании присутствовали, совместно с членами правления, представители месткомов и дирекций коллектива оперы, театров «Мозаика» и «Весь мир», цирка, представители Ревизионной комиссии и представитель труппы Московского балета. Предметом обсуждения был протокол месткома оперы, зафиксировавший разбирательство и решение о вынесении взыскания артисту В. Легкову, который саботировал работу в декабре 1925 г. Решив

¹ Краевое театральное объединение (Крайтео) до 1927 г. осуществляло непосредственное руководство театральными предприятиями в ДВК, затем его функции были переданы Краевому отделу народного образования (в документах ДалькрайОНО или КрайОНО), и далее в 1929 г. при этом отделе создали дальневосточное краевое управление зрелищными (затем театрально-зрелищными) предприятиями (ДВК УЗП или УТЗП).

получить дополнительные выплаты и бенефисы (не предусмотренные трудовым договором), в ответ на отказы дирекции артист разрешал ситуацию по-своему: в последний момент он отказывался выходить на сцену, чем ставил весь коллектив в крайне затруднительное положение, срывал репетиции и спектакли. В том числе его поступки стали причиной недополучения театром прибыли и, как следствие, невыплаты жалования труппе. Решение правления было жёстким: исключение из союза на 6 месяцев с лишением права на тот же срок регистрироваться на бирже труда [Там же, л. 7 – 8 об.]. Протокол № 2 заседания правления союза Рабис г. Харбина зафиксировал важное политическое событие. Председатель правления тов. Грицай собирался выехать в г. Хабаровск на первый краевой съезд работников искусств и предложил на время своего отсутствия избрать заместителя председателя из членов правления. Большинством голосов (11 против 4-х) был избран В. Валин¹ [Там же, л. 9], исполнявший обязанности секретаря на заседаниях правления.

Между тем события в Харбине, особенно после заключения договора СССР с Китаем о совместном управлении КВЖД, становятся довольно тревожными. Полицейские функции перешли к китайскому правительству. В отношении русского населения были отменены права экстерриториальности, упразднено Гражданское управление, усилилась цензура и начались обыски. В такой обстановке вести работу профсоюзу Рабис в Харбине приходилось на полулегальном положении. 8 февраля 1926 г. Президиум правления Далькрайрабис разослал всем губотделам Дальнего Востока директиву № 6 под грифом «секретно», в которой было указано, что «наблюдаются случаи переписки союзных органов с харбинским союзом и отдельными работниками безо всяких предосторожностей и учёта сложной и ненормальной обстановки работы органов под угрозой китайской полиции». В связи с таким положением дел было настоятельно рекомендовано всю переписку направлять через Далькрайрабис либо согласовывать с президиумом Г.С.П.С.² (Государственный совет профессиональных союзов) её отправку вместе с почтой межсоюзной организации [Там же, д. 3, л. 2].

Переписка в сложной международной обстановке прибавляла проблем и в регулировании рынка труда в художественной сфере в целом и в музыкально-театральном деле в частности. К 1926 г. в ДВК были практически ликвидированы все частные театральные антрепризы. Их функции взяло на себя государство в лице территориальных отделов Рабис, бирж труда и их посреднических бюро по найму работников искусств (в документах Посредбюрорабис или Посредрабис). Целью их работы становится регулирование рынка труда в художественной сфере в связи с большим уровнем безработицы в данной среде³. Переброска театральных трупп, в т.ч. и в ДВК, осуществлялась по разработанному плану. Однако упомянутые организации часто дублировали друг друга либо вели несогласованную деятельность, что приводило к путанице и неразберихе с продвижением артистических коллективов. Заложником такого первого «опыта планирования» как раз стало харбинское отделение союза Рабис и его музыкально-театральные коллективы, о чём свидетельствует довольно бурная и откровенная переписка между председателем правления М. З. Грицаем и Далькрайрабисом.

17 февраля 1926 г. правление Краевого театрального объединения (Крайтео) отправляет в Харбин телеграмму М. Грицаю с предложением переброски оперного коллектива Желсоба во Владивосток с предоставлением помещения театра «Золотой Рог» на период с 20 марта по май, с последующей переброской в Хабаровск, где предлагали театр (помещение) с освещением, отоплением, инвентарём, рекламными афишами, техперсоналом. Из финансовых условий – 30% от сбора идут Крайтео, который обещает ссудить заимообразно 3000 рублей на переброску и всякое содействие при пограничной перевозке [Там же, л. 44]. Затем в начале марта 1926 г. в харбинский Рабис из Крайтео последовали три телеграммы (2, 4 и 6 марта), подтверждающие условия театрального помещения, декораций, костюмов, налоговых госвычетов и авторских отчислений, а также с предложением перечислять Крайтео уже 35% от валового сбора. Кроме того, в телеграммах содержались запросы о количестве хора, балета, оркестра, пожелание приехать с определённым декоратором (Домрачевым), а также запрос о подробном репертуаре труппы оперы и оперетты. Последнюю также предполагалось завезти на ДВ сначала в Хабаровск, предоставив помещение драмтеатра, а в мае перебросить во Владивосток на условиях, предложенных опере. Грицай, судя по всему, предоставил запрашиваемую информацию (и о составе, и о репертуаре) и, очевидно, попросил уточнить условия зарплаты и аренды театров. В ответ 6 марта 1926 г. из Крайтео последовала третья телеграмма, подтверждающая предоставление театра «со всеми удобствами» и расходами «реформированному составу» за 10% от сбора. Но за аренду театра коллективу оперы надлежало гарантированно уплатить 2000 рублей в месяц [Там же, л. 41-43]. Телеграммы с изменяющимися условиями поступали Грицаю через день, что, соответственно, вызвало гневную реакцию в отношении Крайтео, отразившись в жалобе, направленной им в Крайрабис и его Приморское отделение 13 марта 1926 г.

В своём письме Грицай просил обратить внимание на поступок Крайтео, с которым в течение месяца велась переписка о приглашении харбинского оперного коллектива во Владивосток. Приложив копии поступивших телеграмм, он подчеркнул, что буквально в каждой из них меняются условия и размер сбора, который Крайтео хочет заработать на коллективе, а также получить немалый процент от аренды. Между тем, как следует из письма, пленум Крайрабиса вынес решение – не рекомендовать Крайтео заниматься сдачей театров в аренду. Изменение условий в каждой телеграмме, требование оплаты отопления (что особенно возмутительно было требовать в конце марта и апреле) и размер арендной платы Грицай рассматривал как насмешку или скрытый

¹ Валин (Катхэ) Валентин Евгеньевич – солист и режиссер оперетты во Владивостоке (в 1924-1925 гг.), в Харбине, Хабаровске и Владивостоке (в 1926-1927 гг., 1929-1931 гг.), в Харбине и Шанхае (с 1931 по 1947 г.).

² Здесь и далее сохранены названия организаций, как они приведены в архивных документах.

³ Об этом подробнее автор пишет в статье «Проблема театрального юбилея: к истории Хабаровского краевого музыкального театра» [4, с. 101-108].

отказ. Даже антрепренёр Долин, который держал театр «Золотой Рог» во Владивостоке, как пишет Грицай, «с целью наживы», и тот брал 25% со всеми расходами за театр, т.е. намного меньше, чем хочет Крайтео.

Не меньшее возмущение вызвали слова о «реформированном коллективе», значение которых не совсем было ясно. Аргументируя своё обращение в Крайрабис, Грицай пишет, что харбинское отделение предлагало полный состав оперного коллектива, в репертуаре которого насчитывалось больше 20 опер. Несмотря на то, что из состава выбыли три голоса, их заменяли приглашёнными из СССР, в том числе пригласили в состав гастролировавшую в Харбине певицу (колоратурное сопрано) Григорьеву-Хмельницкую. Оперная труппа Харбина была состоятельной во всех отношениях. Грицай пишет, что коллектив имеет гардероб, какого нет в лучших городах СССР, бутафорию для опер, художника-парикмахера, декорации, написанные известным художником Домрачевым, ученик которого – художник Валентинов – должен был приехать с коллективом. Весь художественный персонал (солисты, хор, балет, оркестр), насчитывающий свыше 60 человек, готов был выехать без гарантии определённого процента заработной платы. При составлении бюджета поездки учли все её положительные и отрицательные стороны: и то, что будет небольшой сбор, и небольшая зарплата для артистов первого положения (160 рублей) по сравнению с таковой в СССР. Коллектив был готов на всё, чтобы был выполнен единый художественный план, выработанный пленумом Крайрабиса. По мнению председателя харбинского правления, не договорившись насчёт Владивостока, оперу можно было бы отправить в Читу, но по вине Крайтео потеряли весь весенний сезон, т.к. по имеющимся данным туда должна была захватить оперетта из Оренбурга. Как полагает Грицай, Крайтео должно возместить харбинскому отделу издержки, т.к. на переписку были потрачены союзные деньги. Чтобы в дальнейшем избежать подобных «печальных недоразумений», просит все союзные органы Рабиса и Посредрабиса¹ скреплять своей подписью всевозможного рода телеграфные и письменные предложения, а также предварительные условия для переброски коллективов. Далее из письма следует, что из Харбина в Крайрабис поступило предложение об использовании харбинской оперетты в Хабаровске и Благовещенске (эта история также получит дальнейшее развитие), но телеграмма осталась без ответа. В заключение письма Грицай озвучивает план работы на весенний сезон с намерениями пригласить из Владивостока коллектив «Летучая мышь» и разрешить въезд гастролёров из СССР. «Но, – подытоживает он, – поскольку опера осталась в Харбине, мы вынуждены изменить наш план и отказаться от гастролёров и «Летучей мыши», потому что это усилит безработицу среди членов союза» [Там же, л. 40].

Не менее сложная история вышла с коллективом харбинской оперетты. План перебросок коллективов на территории ДВК принимался комиссией Далькрайрабиса. Как выясняется из письма, отправленного Грицаем в Далькрайрабис 6 мая 1926 г., первоначально был принят следующий план весенней переброски трупп: опера из Харбина должна была выехать по маршруту Владивосток – Хабаровск – Благовещенск; оперетта из Харбина отправлялась в Читу, Благовещенск, Хабаровск и Владивосток; драматическая труппа из Хабаровска отправлялась по линии²; коллектив сатиры должен был следовать по маршруту Благовещенск – Харбин [Там же, л. 18]. Крайтео, предлагая оперетте отправиться во Владивосток вместо Читы и затем в Благовещенск, нарушало выработанный план. Причина была известна Крайрабису, но Харбинский союз при этом не был посвящён в детали и его поставили перед фактом.

А факт был следующий. В марте 1926 г. во Владивостоке начали формировать передвижную труппу оперетты из оставшихся безработными артистов антреприз. Коллектив получил название «Первый Дальневосточный коллектив безработных артистов комоперы»³. Артистам необходимо было как можно быстрее начать работать и зарабатывать. Вероятно, по этой причине Крайтео были изменены планы перебросок и отдано предпочтение труппе, работающей на советской территории. В апреле 1926 г. из Харбина для коллектива комоперы стали запрашивать недостающих артистов, работающих в определённых амплуа, чем вызвали протест со стороны Грицай [5, д. 19, л. 107, 109].

В соответствии с принятой в то время театральной практикой, организационными вопросами и вопросами аренды театрального помещения занимался уполномоченный от театрального коллектива сотрудник, выезжающий заранее вперёд коллектива. Таким уполномоченным от харбинской труппы был секретарь харбинского правления союза Рабис и артист оперетты В. Е. Валин. Он провёл переговоры с Читой, а затем с Благовещенском о бронировании тамошнего театра для гастролей труппы в июне, как и предопределялось первоначальным планом. 20-го апреля 1926 г. коллектив оперетты выехал из Харбина в количестве 30 человек. Но в Маньчжурии их ждал неприятный сюрприз: в СССР изменилась и вошла в действие новая норма таможенных правил для въезжающих из-за границы лиц. Ограничение касалось количества вещей, которые можно было провезти с собой на территорию Советской России. Например, можно было везти 2 пары старых ботинок, 2 костюма или 2 платья также, соответственно, не новых. По этому поводу 8 мая 1926 г. М. З. Грицай был вынужден срочно обратиться с письмом в ЦК Рабис. Он сообщил, что актёры коллектива оперетты прожили в Харбине от 2-х до 4-х лет. Соответственно, каждая актриса за это время обзавелась приличным гардеробом. Новые таможенные правила оказались полной неожиданностью, поставив коллектив перед выбором: либо возвращаться обратно, либо ходатайствовать перед соответствующими органами о пропуске гардероба. Багаж был отправлен в Читу и судьба его неизвестна, и М. Грицай от имени коллектива

¹ В отличие от биржи труда, посредрабисы занимались также поиском работников с необходимой квалификацией.

² Имелась в виду железнодорожная линия, а направление могло быть как в сторону Владивостока, так и Благовещенска и Читы.

³ Историю коллектива см. в статье автора «Проблема театрального юбилея: к истории Хабаровского краевого музыкального театра» [4, с. 101-108].

выразил надежду, что ЦК ходатайствует перед Главным Управлением таможни и Народным комиссариатом внешней торговли об изменении таможенных правил для едущих из-за границы работников искусств либо о расширении списка предметов из гардероба артистов. Вопрос с багажом, вероятно, был улажен, т.к. труппа оперетты в мае уже работала в Чите [6, д. 3, л. 19]. Но была ещё одна проблема, которую М. Грицай также озвучил в упомянутом письме и которая наглядно демонстрировала процедуру оформления выездных документов и сложности работы в Китае во второй половине 20-х гг.

Как и сегодня, за оформление загранпаспорта необходимо было уплатить госпошлину. Грицай ссылается на новый закон от 7 апреля 1926 г., опубликованный во всесоюзной газете «Известия», который устанавливал госпошлину за оформление загранпаспорта для едущих за границу членов союза в размере 220 рублей. Помимо этого, выезжающему гражданину необходимо было оплатить визу. Для Китая она составляла 36 рублей. По тем временам суммы были немаленькие. Поэтому Грицай указывает, что для гастролёров, возможно, такая сумма будет подъёмной, но для рядовых работников искусств – хористов, оркестрантов, танцовщиков, едущих на небольшие оклады, – она совершенно неприемлемая. Подобные расходы не выдержало бы и предприятие. Например, коллективу оперетты, в котором должны выехать 30 человек, за одни только паспорта пришлось бы заплатить 8000 рублей. М. Грицай пишет о неоднократных случаях, когда безработные члены союза Рабис из Приморья и Забайкалья, не имея возможности уплатить 40 рублей за паспорт (по прежним тарифам), вынуждены были, рискуя жизнью, пересекать границу незаконно. После этого, добравшись до Харбина, они являлись в союз для регистрации и сразу же просили помочь в ходатайстве перед генеральным консульством СССР о приёме их в советское гражданство, потому что, незаконно перейдя границу, они автоматически лишались права на него и становились государственными преступниками. Подобные случаи повторялись неоднократно. По мнению Грицай, недопустимо, чтобы аккуратный член союза становился «государственным преступником и несоветским человеком». Чтобы помочь таким артистам и музыкантам, составлялись различные ходатайства в консульство. На решение подобных проблем приходилось 50% деятельности рабочего аппарата союза. Новые тарифы за паспорта, констатирует Грицай, будут способствовать увеличению незаконных переходов границы. Чтобы облегчить положение, он просит ходатайствовать перед Народным комиссариатом иностранных дел о льготах для работников искусств. В противном случае можно лишиться притока культурных и художественных сил в Китай и Японию¹. Особенно это важно в настоящее время, потому что, как пишет Грицай, в Японии преподносится искусство из Америки (о чём писал посол СССР тов. Копп). А в Харбине активизировались белые организации: силами белого студенчества была поставлена опера «Жизнь за царя», под охраной китайской полиции и отрядов «мушкетёров» прошли выступления белогвардейских сатириков Арских, введена жёсткая цензура, которая при просмотре конфискует пьесы, советские пьесы «Мандат», «Яд», «Поджигатели» полицией сняты с репертуара. В заключение Грицай просит Президиум ЦК Рабис и Общество культурных связей с заграницей оказать всяческое содействие в получении льгот работникам искусств, едущим в Китай и Японию, и сообщает, что в свете описанных политических событий, помещение харбинского союза было закрыто и опечатано: «Работаем нелегально. Связь с массами полная. Ослаб приток членских взносов, т.к. члены союза не могут свободно посещать канцелярию союза» [Там же].

В Чите харбинская оперетта работала до конца мая 1926 г. и намеревалась в июне выехать в Благовещенск и в июле – в Хабаровск. Из Хабаровска и Владивостока в Читу полетели телеграммы, требующие воспрепятствовать выезду в Благовещенск харбинской труппы, поскольку театр в Благовещенске бронировали для июньских гастролей Дальневосточного трудколлектива комоперы. Таким образом, возник конфликт, потому что на одно театральное помещение претендовали две труппы. Из Далькрайрабиса в конце мая 1926 г. в читинский отдел Рабис направили телеграмму с категорическим требованием не санкционировать договор уполномоченного харбинского коллектива с Благовещенском и указанием предупредить труппу о положении, в которое она поставлена в результате несогласованных действий. Учитывая положение завезённых работников, Краевой отдел Рабис предложил срочно согласовать возможный маршрут передвижения коллектива: со второй половины июня труппе можно было выехать по маршрутам Владивосток – Хабаровск – Благовещенск, Хабаровск – Владивосток – Благовещенск или Хабаровск – Благовещенск. Части работникам предлагалось остаться на зимний сезон в ДВК [5, д. 19, л. 47]. На подобное предложение 1 июня 1926 г. последовало письмо-телеграмма от председателя читинского посредбюрорабис тов. Кальпуса, адресованное Дальневосточному отделу рынка труда в Хабаровске. В защиту коллектива харбинцев Кальпус пишет, что маршрут оперетты был согласован ещё в марте, на что есть подтверждающие документы, никаких переговоров с другими городами коллектив не вёл. Возможность работы в Чите была исчерпана. «Изменение плана работ лишает возможности большое серьёзное дело, состоящее из работников высокой квалификации, спаянных трёхлетней совместной работой, имеющей большой разносторонний репертуар, обслуживающий Дальний Восток» [Там же, л. 36-37]. Переброска в Хабаровск и Владивосток была неприемлема, поскольку работать в Хабаровске после Дальневосточной комоперы не имело смысла, а Владивосток, как пишет Кальпус, был использован работой двух летних сезонов подряд². Поэтому он настоятельно просит союзное начальство не проводить решения о переброске в Благовещенск трудколлектива комоперы, не обсудив его письма [Там же]. Однако, несмотря на отчаянную просьбу тов. Кальпуса, Президиум краевого совета профсоюзов принял решение предоставить театр в Благовещенске Дальневосточному трудколлективу

¹ Харбинское отделение союза Рабис занималось также регулированием гастрольных поездок в Японию и США.

² Об одном из сезонов работы харбинской оперетты во Владивостоке в июне-июле 1925 г. свидетельствует рецензия «Гастроли Харбинской оперетки (Владивосток)», помещённая в № 25 газеты «Тихоокеанская звезда» от 2 июля 1925 г. и подписанная инициалами Б.З. [1, с. 5].

комперы [Там же, л. 31]. Для урегулирования ситуации харбинцам предложили заехать в Хабаровск спустя три недели с 1 июля, после гастролей коллектива безработных артистов комперы. Но положение оставалось неопределённым и, судя по телеграммам из посредбюроабис и отсутствующим анонсам в газетах, в Хабаровск труппа не поехала. Некоторые артисты вернулись в Харбин, иные приняли предложения в другие города, а несколько человек влились в труппу Первого Дальневосточного трудколлектива безработных артистов комперы, и уже в августе и декабре 1926 г. пополненный коллектив работал на сценических площадках Владивостока [Там же, л. 7, 13, 17].

Во всей этой истории именно харбинцев обвиняли в несогласованности приезда в ДВК, создании нездоровой конкуренции, разрушении планов Дальпосредбюроабис, дезорганизации Первого Дальневосточного коллектива безработных артистов комперы и переманивании из него работников [Там же, л. 47]. Получив ещё в апреле телеграмму с подобными упреками, председатель харбинского правления союза Рабис М. З. Грицай не замедлил ответить пространным письмом, в котором помянул пассивную позицию заведующего Дальпосредбюроабис В. М. Теплова и заместителя председателя Далькрайрабис и представителя Приморья В. П. Утешинского в вопросе выработки единого художественного плана на весенне-летний и зимний сезоны. Напомнив принятый комиссией весенний план переброски трупп (приведён выше), Грицай пишет, что с первого момента выполнения план уже был нарушен, но по чьей вине – осталось неизвестным, т.к. на запрос – почему Крайтео изменил условия с харбинской оперой – ответа так и не было получено. «Израсходовав на телеграммы больше 100 рублей, проморочив головы коллективу в составе 65 человек, мы по чьей-то вине оставили без работы оперный коллектив» [6, д. 3, л. 18]. Следом Грицай высказал «всё, что накипело» по поводу ситуации с труппой оперетты.

Вопросом переброски харбинской оперетты занимался назначенный к тому времени директор читинского театрального предприятия П. А. Вознесенский. Выяснив возможность работы труппы на Пост и Пасху, он сообщил об этом в Харбин, и там начали формировать коллектив. Затем, договорившись об условиях работы коллектива в Чите, Вознесенский выехал в Харбин для заключения договора. И тут началась настоящая «одиссея». В это же самое время, пишет Грицай, из Владивостока приехала некая тов. Цветкова, которой заведующий Владивостокским посредбюроабис тов. Яшин поручил переговорить с некоторыми опереточными актёрами, т.к. для работы в Хабаровске и Благовещенске Приморский посредбюроабис формировал коллектив и готов был даже дать гарантию по зарплате некоторым лицам. Речь шла об упомянутом выше коллективе безработных артистов комперы, формируемом при Владивостокской бирже труда, и Яшиным предпринимались активные действия по его доукомплектованию. Затем в Харбин приехал *второй* посланец – товарищ Нальский, которому, как выяснилось, было поручено то же самое, что и Цветковой. Но приехал и *третий* гонец уже с письмом к Нальскому с указанием дать полную гарантию четырём-пяти опереточным премьерам. «Что это – скачки с препятствиями или деловая работа по намеченному плану, и всё это помимо союза, а через третьих лиц» [Там же]. Возмущение Грицай методами работы его коллег вполне понятно: перед ним стояла задача – подготовить коллектив оперетты к заезду на территорию СССР. Но в этот момент отделения посреднических бюро Рабис меняют планы, не поставив в известность Читу и Харбин. Из харбинской труппы начинают переманивать ведущих артистов, тем самым обезглавливая её накануне переброски и разрушая сложившийся ансамбль и сработанный репертуар. Разнобой в работу, по мнению Грицай и Вознесенского, как раз вносил товарищ Яшин, но обвинили в разнобое и срыве работы в крае харбинцев. «Кто это вносит разнобой [?] Кто сорвал оперу [?] Кто хотел сорвать оперетту [?] <...> Ваше обвинение нас в срыве работы считаем ничем не обоснованным. Всё это считаем необходимым вам сообщить не для полемики, а для того, чтобы в дальнейшем была в дело внесена ясность и определённость, а не напрасные обвинения со стороны рабочего аппарата правления Далькрайрабиса» [Там же]. В завершение тон письма становится менее эмоциональным и председатель правления харбинского бюро Рабис информирует о нахождении отдельных артистов и коллективов, запрашивает краевой отдел союза о планах на зиму. О состоянии собственных текущих дел и планах сообщает, что в настоящее время (в начале мая 1926 г.) в Харбине в помещении клуба Железнодорожного собрания работает симфонический оркестр, а в городском саду – драма. На зимний сезон в помещении Желсоба планируется работа оперы, в рабочих клубах – драмы, а в зимнем здании цирка – цирковой труппы [Там же].

Содержание работы харбинского правления союза Рабис включало и более приятные моменты. В частности, в феврале 1926 г. молодой 18-летний скрипач (судя по всему, уроженец Харбина) М. М. Рискин обратился с заявлением к правлению, в котором указал, что с 1918 г. состоит в союзных организациях и что в течение 8-ми лет ему приходилось брать уроки игры на скрипке в разных городах и у разных педагогов. «Желая же окончательно завершить своё образование и укрепить свои музыкальные познания», он просит о содействии в предоставлении бесплатной вакансии в Московской консерватории [Там же, д. 2, л. 2]. 23 февраля 1926 г. харбинское правление направляет в культотдел Совета профессиональных союзов (СПС) Харбина данное заявление и ходатайство о предоставлении вакансии в Московской государственной консерватории по классу скрипки: «...принимая во внимание отсутствие на Дальнем Востоке учебного заведения, где бы даровитый скрипач – тов. Рискин, работающий в течение ряда лет концертмейстером в оркестрах, мог совершенствоваться по своей специальности, Правление Харбинского¹ союза “Рабис” просит Вашего содействия по существу заявления» [Там же, л. 1].

К концу 1926 г. харбинский союз Рабис полностью переходит на нелегальное положение. Тем не менее его работа постепенно стабилизируется, и возобновляется посредническая деятельность. Всю корреспонденцию

¹ Написание с прописной буквы соответствует документу.

направляют М. З. Грицаю на адрес: ул. Базарная, д. 4, кв. 6. В ноябре Краевое посредническое бюро Рабис г. Хабаровска отправляет во Владивосток, Читу, Благовещенск и Сретенск запрос с требованием рабочей силы для г. Харбина. При этом в телеграмме графически подчёркнуто, что необходимы *высококвалифицированные* певцы, дуэтисты и танцоры, желающие поступить на работу в кабаре на сезон 1926/1927 г. в Харбине. При наличии таковых на учёте в посреднических бюро, просят незамедлительно сообщить их данные: фамилию, имя и отчество, условия работы, которые устроят артиста, характер номера, сценический стаж, последнее место службы. От посредрабисов желателен отзыв на артиста [5, д. 11, л. 14].

В декабре начались переговоры по поводу возможности приезда в Харбин хоровой капеллы под управлением М. Д. Агреновой-Славянской. В своей телефонограмме М. З. Грицай сообщает о перспективах сборов от концертов капеллы, обещает по возможности организовать успех гастролям и газетную рекламу. Из этой же телефонограммы становится известным о состоянии театрального рынка Харбина: «есть большая опера, драма и 9 кинематографов, не считая кабаре. Театральные помещения очень дороги» [Там же, д. 4, л. 15].

15 января 1927 г. с заявлением в посредрабис г. Благовещенска обратился уполномоченный коллектива украинских артистов А. И. Бунчук с просьбой о ходатайстве перед харбинским посредрабисом о предоставлении коллективу работы в помещении Летнего городского сада на летний сезон 1927 г. – июнь и июль [Там же, д. 17, л. 31]. 24 марта 1927 г. из Дальпосредрабис в Харбин направляется телеграмма и письмо о том, что украинский коллектив предлагают для работы с 1 июля, его состав вместе с оркестром составит 50-60 человек. Из условий работы: приезд со своими костюмами, париками, бутафорией, библиотекой, дают постановки украинских опер и драматических пьес, их количество в месяц – минимум 24, а переработка оплачивается по дополнительному соглашению. Работа должна быть гарантирована, а также месячное гарантированное содержание (включая дорогу) в сумме 7100 рублей. Последнее условие было совершенно неприемлемо, о чём М. З. Грицай не замедлил телеграфировать тогда же – 24 марта 1927 г. [Там же, л. 1, 5-6]. Заезд украинского коллектива так и не состоялся.

В марте 1927 г. в Дальпосредрабис г. Хабаровска (копии разосланы во все отделения и биржи труда ДВК) поступает телеграмма из Народного комиссариата труда СССР (НКТ СССР г. Москва), в которой категорически запрещается давать артистам разрешение на выезд за границу без санкции Центрпосредрабис (ЦПР). Мера эта была необходима для контроля и наблюдения за переброской тех или иных отдельных работников или целых ансамблей за границу. 24 марта 1927 г. Дальпосредрабис, пересылая по местам копии упомянутой телеграммы, одновременно сообщает, что ходатайства о выезде нужно подавать через хабаровское бюро, а в случае срочной необходимости можно обратиться в центр напрямую, но поставив в известность краевой отдел. Сообщают в том числе о введении льготной оплаты в сумме 50 рублей по первой категории для работников всех видов искусств, направляемых на временную работу за границу через НКТ СССР (ЦПР). В данном случае речь, вероятно, идёт о стоимости оформления загранпаспорта [Там же, д. 13, л. 45-46]. Между тем в марте 1927 г. Дальпосредрабис рассылает запросы в свои отделения в городах ДВК о наличии свободных артистов цирка и борцах в связи с тем, что в Харбине организуется городской цирк [Там же, д. 11, л. 51], а затем запрос об освобождающихся актёрах для зимнего сезона в оперетту и драму (судя по запрашиваемым амплуа): герой, герой-резонёр, первый комик, героиня, первая комическая старуха и первый любовник [Там же, д. 13, л. 43].

21 апреля 1927 г. из НКТ СССР (ЦПР) в краевой отдел труда Далькрайпосредрабис приходит циркуляр о том, что через ЦПР необходимо вести переговоры не только о *выезде* артистов за границу, но и о переброске артистов *из заграницы в СССР* [Там же, д. 18, л. 52]. В апреле и мае 1927 г. с харбинским союзом Рабис вновь велась переписка по поводу возможности переброски из Харбина большого оперного коллектива (оркестр, хор, балет) из 68 человек, со своими костюмами, парикмахером. Из Харбина запрашивали – сколько хористов и музыкантов есть во Владивостоке и Хабаровске. Заезд планировали с 5 июня на два месяца и просили гарантию – 150000 рублей в месяц, оплату дороги, виз и паспортов [Там же, д. 28, л. 3, 14]. Однако, судя по телеграмме из Харбина от 17 мая 1927 г., опера ехать отказалась в связи с отсутствием подтверждения на бронирование театров [Там же, л. 11]. В свою очередь, из Дальпосредбюрорабис в Москву отправили ходатайство о разрешении выезда в Харбин группы артистов комической оперы (о коллективе речь шла выше) ввиду окончания зимнего сезона на летний сезон и имеющегося предложения для оперетты от бывшего дальневосточного антрепренёра Долина. В списке выезжающих числились премьеры балета О. Манжелей и Б. Серов, актёры Торская, Ознобкин, Коровская, Орлова, Торгова, Новицкий и будущая звезда харбинской и шанхайской оперетты 30-х гг. Е. Орловская [Там же, д. 7, л. 27, 34].

ЦПР категорически запретил дальневосточным отделам Рабис вести непосредственные переговоры с Долиным, а направлять его запросы в центр, чтобы оттуда шло согласование с Харбином [Там же, д. 18, л. 17]. Однако в отношении маститых артистов у НКТ СССР и его ЦПР не было таких строгостей, о чём можно судить по письму от 23 июня 1927 г. из означенного ведомства в Дальпосредрабис. В нём сообщается, что для концертов в ДВК направляются народная артистка республики А. В. Нежданова, дирижёр и профессор Московской консерватории Н. С. Голованов, скрипач М. В. Рейсом «по городам: Чита, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток и *если они пожелают, то и Харбин, причём на последний город нашего разрешения не запрашивайте, а руководитесь настоящим»* (курсив и подчёркивание наше – И. К.) [Там же, д. 13, л. 34 об.].

Несмотря на практически конспиративные условия, в 1927 г. правление харбинского союза Рабис ведёт интенсивную работу. Начиная с июля, проводятся еженедельные заседания самого правления либо его президиума, на которых решаются ряд важнейших социальных, бытовых и организационных вопросов, касающихся условий жизни и работы советских работников искусств в Харбине. Среди таковых: вопрос

об организации добровольных пожертвований в помощь пострадавшим от наводнения в Приморье, о принятии в профсоюз, материальной помощи в виде возвратных и безвозвратных ссуд, об организации кассы взаимопомощи, содействии в трудоустройстве, рекомендации на вакантные места. Наиболее часто поднимался вопрос о членских взносах. За их систематическую неуплату в течение 3-х месяцев или сокрытие реального заработка (из-за чего также возникала задолженность) следовало автоматическое исключение из профсоюза и, как следствие, лишение всяческой его поддержки в трудовых и иных вопросах [6, д. 4, л. 3-11]. Из протокола от 19 сентября 1927 г. становится известным, что в Желсобе к этому времени окончательно сформировались труппы оперы, оперетты и драмы, и в связи с этим правление выносит решение о формировании там местного профсоюзного комитета [Там же, л. 10].

Самая болезненная проблема, обсуждаемая на заседаниях, – въезд за границу работников искусств без согласования с харбинским правлением профсоюза Рабис. Её обсуждению было посвящено отдельное внеочередное заседание правления 24 августа 1927 г. Правление констатировало ряд тенденций, наметившихся в связи с тем, что посредрабисы разрешают работникам искусств въезд в Китай без согласования с Харбином. В погоне за заработком подобные артисты, по мнению правления, способствовали снижению уровня зарплаты в целом, а кроме того, из-за своей низкой квалификации мешали популяризации советского искусства и укреплению театрального рынка в Китае и Японии. Наведение порядка в данной области позволило бы, по мнению правления, расширить переброску рабочей силы из-за границы. Посреднические бюро, как выяснилось, ведут переписку с предпринимателями, минуя союз. В результате на почве недоговорённости об условиях работы возникают конфликты, суть которых иногда попадает на страницы белогвардейских газет. Приехав в Китай, артисты часто не торопятся встать на учёт в местном союзе и появляются только тогда, когда необходима пролонгация советского паспорта. Немалый вред работе союза наносят артисты, незаконно пересекающие границу. Они выступают на эстраде с провокационным репертуаром, чем натравливают слушателей на профорганизации, советские учреждения и их представителей. В отношении таких лиц приходится вести негласный бойкот. Всё перечисленное вносит «дезорганизацию в членскую массу», дискредитирует союз и, самое главное, создаёт *безработицу*, которую в сложившихся условиях изжить не представлялось возможным. Чтобы устранить приведённые факты, харбинское правление просит ЦПР со своей стороны: абсолютно запретить въезд за границу артистам всех видов искусств без согласования с ним; не выдавать разрешения на въезд и тем, кто не снялся с учёта на предыдущем месте работы; в корне прекратить переписку посредрабисов с подрядчиками и предпринимателями помимо харбинского правления и, наконец, просит «фильтровать работников искусств, едущих за границу» [Там же, л. 3].

В 1927 г. в харбинское правление Рабис назначен новый председатель – бывший заместитель М. Грицаев тов. Володин. Он и секретарь А. Тишлер ведут переписку с Дальпосредрабис в 1928-1929 гг. 10 января 1928 г. Центральный комитет профсоюза Рабис СССР направляет в Далькрайрабис письмо под грифом «секретно литер А», в котором сообщает, что не имеет сведений от отделений союза, находящихся в полосе отчуждения КВЖД. Учитывая дальность расстояния и необходимость обслуживания указанных организаций, Президиум ЦК профсоюза Рабис принял решение о передаче последних в ведение дальневосточного краевого отдела. Далькрайрабис надлежит установить связь с харбинским Губрабисом, выяснить положение и через каждые 3 месяца информировать Президиум ЦК о работе этой организации особым секретным письмом [Там же, д. 5, л. 1]. Дальневосточный отдел, в свою очередь, обратился в Совет профсоюзов (СПС) Харбина о проведении таких регулярных обследований.

Несмотря на категорическую позицию ЦК Всерабис и правления харбинского союза по поводу согласования переброски коллективов за границу только через отделения союза в Москве либо (как решили в 1927 г.) через краевой отдел в Хабаровске, факты нарушения предписаний в этом вопросе всё равно имели место. Так, 6 марта 1928 г. в харбинский союз из Дальневосточного краевого правления союза Рабис поступает письмо, указывающее на имеющиеся сведения, что без ведома Далькрайрабис оперная труппа из Харбина ведёт переговоры с Владивостоком о работе там на условиях трудового коллектива с 1 апреля 1928 г. Краевой отдел категорически возражает против таких переговоров, в том числе и потому, что с 1 апреля во Владивосток планируется переброска оперно-опереточной труппы из Хабаровска. Помимо этого, Далькрайрабис запрашивает о наличии свободных оперно-опереточных хористов (2-х басов и 2-х теноров), которым смогут предложить работу уже с 1 февраля 1929 г. Предлагается решить вопрос с дотацией харбинского отделения. В качестве мер по улучшению его финансового положения рекомендовано строже вести борьбу с неплательщиками членских взносов, автоматически исключать из союза после 3-х месяцев неуплаты. Со своей стороны, краевой отдел обещает, что будет очень осторожно подходить к вопросу о восстановлении в рядах союза бывших членов, особенно выбывших за границу, «обсуждая причины выбытия» [Там же, л. 17].

24 мая 1928 г. в ЦК союза Рабис был отправлен отчёт и заключение комиссии СПС Харбина по обследованию работы харбинского отделения союза Рабис, в котором приводятся данные по организационной работе. В частности, указаны результаты однодневной переписи, проведённой, судя по отчёту правления (будет приведено ниже), в 1927 г., из которых следует, что всего в харбинском отделении на учёте состояло 729 человек. При этом работающих членов союза – 457 человек, безработных – 61. В Харбине из этого состава работают 438 членов союза, на периферии – 80, всего 518 человек. Судя по последней цифре, к 1928 г. количественный состав уменьшился на 211 членов. Хотя в отчёте записано, что за 2-е полугодие (1927 г.) выбыло автоматически за неуплату членских взносов 109 человек, а приток новых членов – в среднем 7 человек (вероятно в месяц). В отчёте есть сведения, касающиеся конкретных аспектов работы харбинского союза.

Один из них – это наболевшая проблема взносов. Но во 2-м полугодии 1927 г., как следует из отчёта, задолженность была успешно ликвидирована среди работников оперы Желсоба и с меньшим успехом – в драме и фотографии [Там же, л. 25].

Оказывая помощь в соблюдении трудовых прав работников искусств, профсоюзы уделяли много внимания формальной и юридической стороне оформления отношений между работником и его нанимателем. Наличие трудового договора с чётко прописанными правами и обязанностями сторон – один из показателей успешной работы профсоюза. В этом отношении харбинское отделение имело определённые достижения. Отчёт СПС отразил информацию, что при участии союза в Желсобе заключено 145 индивидуальных трудовых договоров. Именно там дела обстояли намного лучше, чем в иных предприятиях. Только в Желсобе нормированный рабочий день, введена медпомощь и отпуска, зарплату проводят в твёрдой валюте, в то время как в других местах – в местных долларах. Практикуется заключение договоров помимо союза, и хотя точной цифры по ним нет, правление полагает, что такими договорами охвачено 15% работающих. Именно такие договоры и наносят ущерб работающим, потому что «носят односторонний характер: максимально оговорены обязанности работника и минимально его права» [Там же]. В заключительном положении комиссии предложено перевести месткомы оперы, драмы и других предприятий на плановую работу [Там же, л. 26].

В сентябре 1928 г. харбинское правление союза Рабис и СПС Харбина занимались ликвидацией громкого конфликта, возникшего в оркестре Желсоба. Подробные сведения об этом изложены в сообщениях в ЦК Рабис от 11 и 31 октября 1928 г. с грифом «секретно» заместителя председателя правления Далькрайрабис В. М. Теплова [Там же, л. 44, 49] и в конфиденциальном письме к работнику ЦК Рабис Лебедеву от секретаря харбинского союза Рабис А. Тишлера [Там же, д. 7, л. 1-3]. В конце августа умер скрипач оркестра М. М. Лашевич. 1, 2 и 3 сентября были объявлены траурными днями, и проводились гражданские панихиды. Были приглашены 20-25 человек струнников из оркестра Желсоба для сопровождения траурных церемоний. После их окончания музыканты за исполненную работу предъявили счёт на 3000 рублей местных долларов. Как пишет А. Тишлер, указанная сумма вызвала большие возражения со стороны советской части Управления КВЖД, субсидировавшего работу коллективов Желсоба. Счёт они соглашались оплатить на основании существующих в СССР законоположений и при подтверждении союза [Там же, л. 2]. Следующие за этим события А. Тишлер и В. М. Теплов описывают практически одинаково. Инцидент был рассмотрен правлением харбинского союза, и, руководствуясь нормами советского Кодекса законов о труде (КЗОТ), пришли к выводу, что сумма действительно завышена – за первые два дня потребовали оплату в двойном, а в третий день – в тройном размере. К выплате полагалась сумма в 1200 рублей, поскольку 1 и 2 сентября были обычными рабочими днями и только 3 сентября – нерабочим, за который полагалось выплатить двойной тариф. Руководители советской части КВЖД тем не менее были готовы заплатить 1500 рублей, чтобы уладить дело и не вызывать лишние толки и травлю со стороны белогвардейской прессы. Правление союза предприняло всё, чтобы мирно разрешить конфликт и обратилось в СПС. Последние, в свою очередь, создали комиссию и нашли действия правления правильными. Местком Желсоба довёл до коллектива позицию правления союза и собрал общее собрание, на котором осудили давление союза и объявили о принятии круговой поруки за действия своей профсоюзной ячейки. Музыканты отказались выполнить решение правления, продолжая требовать 3000 рублей за работу, избрали комиссию из 5 человек, которая (как писал В. Теплов) носила характер стачечного комитета, и объявили забастовку.

В это время в белогвардейской печати появилась заметка об инциденте, была обнародована информация, что местком Желсоба обратился в союз Рабис. Это обстоятельство невероятно встревожило правление, т.к., по выражению В. Теплова, «большинство [профсоюзных] организаций в Харбине находятся на полулегальном положении, а Рабис совсем нелегально и называет себя “Союз служащих и рабочих”» (*курсив наш – И. К.*) [Там же, д. 5, л. 49]. Как предположил В. Теплов, кто-то из оркестра допустил провокацию, и пресса уделила предельно много внимания инциденту и отнюдь не в пользу оркестра, как, например, в заметке «Постыдный торг вокруг тела советского вождя» [Там же].

Бастуя, оркестранты отказались выйти на репетицию. Правлению пришлось принять более решительные меры, и 6 человек были исключены из союза. Среди них – 3 человека из месткома и 3 – из стачечного комитета. В письме А. Тишлера названы только пять фамилий исключённых, т.к. шестую он не смог вспомнить. Это виолончелист Сергей Колайко и валторнист Илясов, контрабасист Таиров и два скрипача – «профессионально разложившийся элемент» (по выражению В. Теплова) Трахтенберг, исключённый из союза за предпринимательство, и Шиферблат¹.

Поняв, что правление не изменит принятого решения, музыканты вышли на работу и получили свои 1500 рублей. Местком Желсоба был исключён из союза практически в полном составе, но после инцидента его бывшие члены вскоре подали заявления о восстановлении в профсоюзных рядах. Конфликт был исчерпан, действия правления признаны правильными, а требования музыкантов необоснованными. К тому же, как заметил секретарь А. Тишлер, в дни траура оркестранты были освобождены от работы в саду Желсоба, но заработная плата сохранялась им в полном объёме.

Итоги работы правления харбинского союза Рабис за 1928 г. были представлены в докладе председателя Волошина, охватывающем период с января по 1 декабря [Там же, д. 7, л. 4 – 6 об.]. Предыдущий год был сложным для правления, учитывая нелегальное положение, отчитывались только два раза на небольших

¹ Двое последних – известные в Харбине музыканты-педагоги. В. Д. Трахтенберг – основатель и директор Первой музыкальной школы Харбина (1921 г.), профессор Н. А. Шиферблат – преподаватель Третьей музыкальной школы Харбина.

собраниях. За истекший 1928 г. состоялось 12 заседаний правления союза, на которых было разрешено 56 вопросов. В рядах союза восстановили 25 человек, исключённых за неуплату, как погасивших задолженность. Одновременно за неуплату автоматически выбыло 74 человека и вновь приняли 52. Всего на 1 декабря 1928 г. в союзе на учёте состояло 518 человек, а до переизбрания правления – 730. Уменьшение происходило «за счёт качественного подбора». В правлении состояло 5 человек и 3 – в ревизионной комиссии. Был ещё и делегатский состав – 15 человек, перед которым правление должно было отчитываться. Однако, как пишет Волошин, проку от них мало, т.к. это в основном солисты и хорошо обеспеченные работники сцены. Местком, который пытались создать в Желсобе, «был расшифрован на столбцах белогвардейской печати. <...> Работать же с нашей публикой невозможно. Всё, что мы делаем – немедленно доносится куда следует» [Там же, л. 4].

В сложных условиях, несмотря на то, что все документы правления были захвачены полицией ещё в 1926 г. при закрытии союза, удалось наладить работу. Старый состав правления, по выражению Волошина, разбежался, и новому составу пришлось потратить полтора года, чтобы привести в порядок всю организационную работу. Провели перерегистрацию безработных, был пересмотрен весь членский состав и исключены нежелательные и чуждые элементы. Так же решительно повели борьбу с неплательщиками, рассылая предупреждения об исключении. Членская масса, как образно написал Волошин, сразу почувствовала «твёрдую руку», и посещаемость союза стала увеличиваться день ото дня. Финансовое положение намного улучшилось, и удалось восстановить израсходованные в прошлом фонды. На момент отчёта на текущем счету союза наличность в банке составляла 3212 долларов и 816 иен. Комиссии СПС за отчётный период проводились 4 раза, и на президиуме СПС работа харбинского профсоюза Рабис была признана удовлетворительной.

Правлению союза Рабис удалось восстановить работу кассы взаимопомощи. Председатель правления отметил, что отказов не было никому. Взятые ссуды погашаются удовлетворительно. За отчётный период касса провела 22 выдачи на сумму 407 \$. Минимальная выдача составляла 5 \$, а максимальная – 25 \$. Средняя сумма выдачи – 19 \$. Работа кассы взаимопомощи комиссией СПС также признана удовлетворительной.

По тарифно-экономической работе были представлены сведения о проблемах проведения минувшего театрального сезона 1927/1928 г., когда правлению пришлось выдержать натиск театральной дирекции по вопросам компенсационных выплат за неиспользованный отпуск. Подготовка к зимнему сезону 1928/1929 г. также прошла в бесчисленных конфликтах с театральной дирекцией, изменившей условия трудового договора в сторону ухудшения. Большие сложности наблюдаются с частными предпринимателями, потому что союз практически не имеет на них влияния. По большей части – это эмигранты либо лица китайской национальности. Из их работников 50% не состоят в союзе. Все эти обстоятельства не дают возможности развернуть работу по улучшению условий труда. В частных антрепризах нет дней отдыха, отпусков, медпомощи и прочих видов защиты труда. За отчётный период союз оказал помощь в трудоустройстве 65 членам союза. В апреле 1927 г. были организованы оперный и драматический коллективы для обслуживания рабочих клубов КВЖД. В том числе были организованы два самостоятельных маленьких драматических коллектива (из 6 и 12 актёров) для обслуживания станции Пограничная КВЖД и линейных рабочих клубов. Оказывалась материальная помощь безработным. За 1928 г. из фонда помощи было произведено 78 выдач в среднем по 20 \$ на общую сумму 968 \$. На 1 декабря 1928 г. на учёте в союзе состояло 48 безработных товарищей.

В сложных условиях харбинское отделение профсоюза Рабис смогло организовать оздоровительные мероприятия для членов союза. Летом 1928 г. СПС Харбина арендовал курорт на станции Эрцендзянзи по направлению Восточной линии КВЖД и устроил там дом отдыха. У союза Рабис курортный фонд был невелик, поэтому пришлось объединиться с ещё одним союзом. Полученная при этом сумма в 900 \$ позволила отправить в дом отдыха 13 человек. 8 из них были совершенно освобождены от оплаты данного мероприятия, 2 человека оплатили 50%, ещё двум товарищам была оказана частичная материальная помощь (10 и 15 \$), и один был отправлен за свой личный счёт. Стоимость месячного пребывания на курорте одного отдыхающего обошлась союзу в 60 \$. Комнаты правление также оплачивало, на что за лето было израсходовано 250 \$.

Вторая часть доклада была посвящена культмассовой работе, проводимой среди членов профсоюза. Летом 1928 г. правление харбинского союза Рабис приобрело три участка земли в Харбине на левом берегу реки Сунгари. Смогли достать бесплатно древесные материалы и построили дом барачного типа с пятью большими комнатами. Приобрели койки, кресла, спортпринадлежности, израсходовав на всё это около 500 \$. Как писал Волошин, в комнатах можно спокойно хранить вещи, продукты, пребывать здесь комфортно как в течение дня, так и несколько дней. Отдыхающие коллективно готовили себе пищу и имели возможность всё время находиться на воздухе. Были организованы 4 баскетбольные команды, из которых одна – женская, и городочная. Все команды принимали участие в межсоюзных соревнованиях. Являясь во всех случаях инициаторами соревнований, команды Рабис везде терпели поражение, поскольку были молоды и соревновались с лучшими командами. Спортивная площадка на берегу Сунгари пользовалась популярностью среди членов других союзов, потому что была единственной. Её называли «артистической» или «Рабисной». Средняя посещаемость в день составляла 30 человек. Несмотря на созданные команды, председатель правления Рабис отметил недочёты в спортмассовой работе, которые надеялись изжить на второй год существования дома отдыха: не слишком хорошо налаженная спортивная и физкультурная работа, слабая организация шахматно-шашечной секции.

В отчёт по культмассовой работе были включены ещё три пункта: экскурсионная работа, зимний спорт и проведённые мероприятия (кампании). В плане летней работы 1928 г. были намечены две экскурсии, но по полицейским условиям состоялась только одна, в которой приняли участие 20 человек. Экскурсию совместили с докладом о работе правления Рабис и «по текущему моменту». В опере и драме Желсоба имелись шашки

и шахматы, в которые товарищи играли в свободное от репетиций время. Но строго организованной кружковой работы не было, и она не носила планового характера. В октябре в этих же коллективах были организованы кружки фотографии. Руководили ими специалисты. Удовлетворительно работа была поставлена в опере и несколько слабее – в драме. Средняя посещаемость – 10-12 товарищей. Коллективы Желсоба обеспечены периодической печатью. Хотя советских газет, как замечает Волошин, не выписывают по причине полиции, но все местные газеты и журналы имеются. Белогвардейские – изгоняются, хотя «некоторые товарищи их читают с удовольствием на стороне» [Там же, л. 6 об.]. Для занятий зимними видами спорта (плановости здесь также не наблюдалось) правлением было приобретено 14 пар коньков, розданных по предприятиям. Катались поочередно, но нечасто, поскольку не позволяли условия работы. За 1928 г. правлением были организованы три серьёзные кампании: 1) летом был проведён бал для сбора помощи приморцам, пострадавшим от наводнения, прибыль составила 17000 рублей; 2) по союзной линии также был проведён сбор средств в помощь приморцам, и он составил 400 \$; 3) союз организовал участие в первом и втором займе индустриализации, но результаты обоих были слабыми, потому что из-за особенностей союзной работы организованной акции провести не удалось. О последнем стало известно китайским властям, и они категорически запретили банку вести эти операции.

В завершение доклада председатель правления добросовестно перечисляет недостатки в работе, к которым он отнёс отсутствие живого инструктажа, ненадежную работу среди одиночек, медлительность правления в проведении трудового договора в Желсобе и принятии решения в отношении его директора. В целом культуру правление признаёт слабой и надеется «в дальнейшем принять все меры к изжитию этого пробела» [Там же].

Дальнейшего, однако, не случилось. В результате военного конфликта на КВЖД в 1929 г. и последовавших затем событий Совет профессиональных союзов Харбина прекратил свою деятельность [3], как следствие, прекратили свою деятельность и все функционирующие там советские профсоюзные организации. Харбинское отделение союза Рабис не составило исключения. Никаких более поздних документов о его деятельности, а также сведений, куда были переданы учётные документы правления за 1927-1928 гг., установить на сегодняшний день не удалось.

В 20-х гг. XX века профсоюзным движением были охвачены все профессиональные сферы деятельности в СССР. Область искусства и художественного труда не составляла исключения. Но деятельность харбинского Губотдела союза Рабис можно назвать уникальной, поскольку работа велась на территории зарубежного государства, фактически подпольно, находясь на нелегальном положении. В работе правления союза культивировались исконно советские методы «управления культурой» посредством планирования и учёта. Несмотря на это и принимая самое деятельное участие в судьбах российских работников искусств, союз оказывал реальную моральную и материальную помощь артистам вдали от родных мест. Харбинский Рабис во многом способствовал сохранению традиций художественной культуры в целом и музыкально-театральной в частности. Требуя от посреднических бюро и союзных отделов труда внимательно подходить к кандидатурам артистов, отправляемых на работу за границу, выражая пожелание присылать высококвалифицированных работников, харбинский отдел способствовал в том числе укреплению позиций отечественной музыкальной классики и исполнительской школы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Список литературы

1. Б. З. Гастроли Харбинской оперетки (Владивосток) // Тихоокеанская звезда. 1925. 2 июля.
2. Быстрянцева Л. А. Исторический очерк строительства и развития КВЖД и Харбина [Электронный ресурс]. URL: <http://sibro.ru/teacher/books/840/26007> (дата обращения: 08.08.2016).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-734. Аннотация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statearchive.ru/383> (дата обращения: 08.08.2016).
4. Крыловская И. И. Проблема театрального юбилея: к истории Хабаровского краевого музыкального театра // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (71). С. 101-108.
5. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2534. Оп. 1.
6. РГИА ДВ. Ф. Р-4207. Оп. 2.

CHRONICLES OF HARBIN BRANCH OF CREATIVE ARTISTS' TRADE UNION (1925-1929)

Krylovskaya Izabella P'inichna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Far Eastern Federal University
belcanto@bk.ru

The article provides the results of studying the activity of Harbin Creative Artists' Trade Union. The data for the first time introduced into scientific use are presented in the form of chronicles based on archival documents. The events in the period from November, 1925 till 1929 are commented on and evaluated. The author concludes that the activity of Harbin Creative Artists' Trade Union, apart from its basic functions, promoted considerably the propagation of Russian classics and performance school in the Asian-Pacific region.

Key words and phrases: Russian diaspora in Harbin; Harbin theaters; Harbin opera; Harbin operetta; cultural service of Chinese Eastern Railway; Creative Artists' Trade Union (Rabis); Harbin Rabis.